

ДАРЬЯ
Литвинова

ХОЛОДНОЕ
ПОСЛАНИЕ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Иллюстрации на обложке *Дарьи Васильченко*

Литвинова, Дарья Сергеевна.

Л64 Холодное послание / Дарья Литвинова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Детективы Дарьи Литвиновой. Реальные истории от следователя СК).

ISBN 978-5-04-245590-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В темном городском переулке обнаружен труп неизвестного мужчины. Убийца прихватил документы, бумажник и золотую цепочку жертвы. Из всех улик — только странная записка в кармане: «Милка сука, я наказан...» Капитан милиции Калинин и майор Виршин пытаются установить личность убитого. Но чем дальше они погружаются в сложные жизненные перипетии возможных участников этого преступления, тем запутаннее становится само дело. Вскоре случаются еще две странные смерти, очевидно связанные с первым преступлением. Сыщики надеются расшифровать записку и при помощи полученной информации найти убийцу. Но то, что им открылось, повергает оперативников в настоящий шок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова Д.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-245590-2

Любимое время года у всех разное. Для кого-то это весна: черные прогалины, взъерошенные воробьи, разлетающиеся брызги тающих сосулек, цвет яблонь, первые листья и общее предчувствие счастья.

Для кого-то это лето. Жаркое солнце, пыльные тротуары, нагретые солнцем стены домов. Пузырящиеся гребешки на волнах, ракушечные пляжи, майки на бретельках и сандалии.

Для дачников отступление — огурцы, помидоры, укроп, запотевшие банки, пар на летней кухне, засолы, засолы, засолы... и — горделивые ряды закаток, готовить которые не желает никто, а по зиме потребляют в три глотки с большим удовольствием.

Для кого-то жизнь невозможна без осени. Без летящей седой паутины и шуршания листвы под ногами, без мокрого асфальта с прилипшими к нему красно-желтыми кленовыми узорами, без

серого низкого неба, без ветра с колючими дождинками.

А кто-то любит зиму.

Зимы в теплом краю всегда разные, и погоде глубоко наплевать на приметы — мол, будет на Ильин день дождь, значит, зима пойдет сухая. Да хоть разразись на Ильин день небо Ниагарой, чуть испортит атмосферу циклон — и вот, пожалуйста, в декабре мокрый снег, в январе распускаются почки на деревьях, в феврале два дня заморозков — и пятнадцать градусов до весны. И хоть ты тресни.

Но бывают и зимы классические.

Всю ночь что-то шуршит за окном, и в форточку влетают мелкие холодные порошинки, а ты только укрываешься теплее и прижимаешься лицом к подушке. Утром встаешь... город покрыт снежной пеленой, и то, что вчера было изломанным и уродливым — пушистые, красивые, гладкие линии, бело-серебристый покров, искрящийся миллиардами совершенных по структуре снежинок. Слева была газовая башенка? — вот снежный холм с трогательными закруглениями на верхушке. Машины — маленькие сугробы, деревья — пушистая сказка, на карнизе — мехом снежная шапка. Звонко хрустит снегом первый прохожий, уминая его под ногами. Небо низкое, насупленное, словно приме-

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

ряется — где еще не доведен город до совершенства, куда направить снежные облака?.. и холод, сухой холод воздуха. И не верится, что снова будет весна.

Легостаев зиму не любил по трем причинам: вечно замерзший автомобиль, убийственная наледь под ногами и, как следствие, поток переломов в травматологию.

В «травму» он пошел работать, как сам любил говорить, «из желания спасти и помогать». Ему вообще были присущи пафосные выражения: «спасти и помогать», «возвращать утерянное счастье», «соединять разломленное вновь». Мама Легостаева была учителем русского языка, а папы не было изначально — вот и нахватался высокой словесности, потому что мать вместо семейных вечеров таскала сына по театрам и операм лет так с трех. Она, бывало, часами могла декламировать отрывки из повестей и романов, память у нее была изумительная — и, к счастью, передалась Легостаеву, запоминавшему огромные главы из учебников за вечер. Мама мечтала, что сын тоже станет на преподавательскую тропу, но жизнь Легостаева была направлена на травматологию с пяти лет, и перечить она не могла.

В свой день рождения — первый некруглый юбилей — маленький Легостаев важно топал по разноцветным плиткам площади рядом с кинотеатром,

держась за руку матери. У мамы была высокая прическа, рассеянная улыбка и строгий костюм из джерси. Легостаев заметил голубя и шуганул его — голубь пролетел метр и затих. Выпростав руку, Легостаев побежал за голубем следом; маму на площади отвлекла знакомая, учитель географии, доставшая билеты на премьеру «Мастера и Маргариты» в исполнении Ревякина, Астафьева и Мыльской: жуткая редкость в их городке. Мать стала судорожно прикидывать, как устроить ребенку очередной праздник и приобщить к искусству; означенный ребенок в это время, сопя от напряжения, гнался за голубем и не заметил, как залез за бордюром — в окружавшую кинотеатр березовую рощицу. На него сразу пахнуло запахом земли, сыростью, а голубь, вспорхнув и затрепетав крыльями, исчез в вышине. Легостаев чуть растерялся, и тут к нему шагнул мужчина в желтом замызганном брызговике.

Повзрослев, Легостаев долго анализировал свои ощущения. Неприятный запах. Мгновенный страх — где мама? кто это? что он хочет сделать? Сосуший ужас в животе. Подкатившая к горлу тошнота, когда мужчина взял его за плечо заскорузлыми пальцами.

«Не бойся, не бойся, потрогай, смотри, какая штучка, а я куплю тебе конфеты, ты любишь конфеты? не бойся...»

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

Завороженно, хлопая ресницами, маленький Легостаев смотрел, как мужчина распахивает плащ и торопливо вытаскивает из просторных семейных трусов бледно-розовую штуку, заросшую по краям волосами, и тычет ему в ладонь. Завопив, Легостаев шарханулся в сторону и побежал, не разбирая дороги, размахивая руками, пока не споткнулся об камень и не упал лицом в землю. Продолжая орать, он вскочил и, прихрамывая, понесся дальше, снова упал, на этот раз набрав полный рот земли, пополз, цепляясь ногтями за почву, словно от этого зависела его жизнь. Все это длилось от силы минуту — с пого-ни за голубем до второго падения, — но Легостаеву показалось, что прошла половина жизни. Услышав его первый крик, краем глаза следившая за ним мама кинулась в рощицу, за ней побежала географичка, и эксгибиционист удрал быстрее кошки — его даже не заметили. Брыкающегося и орущего Легостаева мать прижала к себе, стала успокаивать, сама на грани истерики, а географичка поймала такси, и втроем они поехали в травмпункт. Легостаеву, который с присущей ему грациозностью ухитрился заработать открытый перелом, сразу впрыснули крохотную дозу обезболивающего, и он с интересом, хотя и всхлипывая, следил за окружающими. Особенно ему понравился доктор — этакий архангел в бело-

снежном халате, который с непринужденной легкостью возвращает людям здоровье; доктор сложил ногу и ему, причем так талантливо, что через месяц Легостаев бегал с мячиком вопреки требованиям соблюдать пассивный образ жизни, и уже до тридцати двух лет с ногой проблем не возникало, а перелом, как Легостаев потом узнал из собственной карты, был сложнейшим — странно, что нижняя конечность вообще не стала усыхать. С тех пор он только и делал, что складывал сломанные веточки и склеивал их сначала пластилином, потом клеем, потом гипсом; изучал сначала журналы «Здоровье», потом «Медицина: хирургия», потом специализированные издания; интересовался сначала биологией, потом анатомией, потом спецкурсами мединститута, уже в восьмом классе.

Мужчину-эксгибициониста поймали спустя срок минут после того, как учитель географии из такси позвонила в дежурную часть и сообщила о происшедшем; им оказался бывший заводской истопник, а ныне — инвалид второй группы по, как говорят, общему заболеванию, тихий олигофрен Белков. Кажется, его осудили к принудительному лечению, но Легостаев в подробности не вдавался: мать на суд его не повела, и показания следователю он не давал, только мама, как представитель потерпевшего, рас-

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

сказала все в отделении милиции, приложив справку, что ее сын допрошен быть не может по показаниям здоровья. Справку приняли, Легостаева не трогали, но оперативность, с которой милиционеры вычислили и поймали маньяка, запала ему в душу настолько, что Легостаев всерьез колебался одно время между юридическим факультетом и медицинским и выбрал последний не в последнюю очередь потому, что боялся курса лекций по философии: вот уж что он разуместь не мог. Но на всю жизнь он сохранил уважение к правоохранительным органам, тем более что в двадцать три у него обнесли вчистую квартиру, украв дорогостоящую технику, однако с помощью служебно-разыскной собаки преступники были обнаружены, а техника возвращена практически полностью: за исключением плеера и двух колонок, что жулики успели толкнуть на рынке «Привоз».

В травматологии у Легостаева были свои любимцы и свои, как он говорил, «отвращенцы».

Любимцами он называл тех, у кого полученные травмы были результатом несчастных случаев — будь то травма на производстве, или ожог возле плиты, или перелом в физкультурном зале. Отдельным списком шли переломы ног при беге — уж тут Легостаев старался, себя не помня. К «отвращенцам» относились те, кто получал травмы по глупости — неудав-

шиеся самоубийцы, которых по ошибке привозили с порезанными венами не в хирургию, переломы рук и лодыжек на скользком, зато чисто вымытом полу, сотрясения головного мозга по пьяни и легкие ушибы копчика. Третьим видом были те, кто получал травмы на уличном льду.

Из-за них Легостаев зиму и не любил.

Несчастные, пострадавшие из-за чужой халатности люди сыпались в травматологию кучами. Вывих, ушиб, перелом, сотрясение; смещение, трещина, рана, гематома; кровь, опухшие конечности, неестественно вывернутые суставы, боль, слезы, бледные, застывшие лица. И ведь не делал человек ничего — просто шел по асфальту, который наемдни припорошил снежок, потом залил зимний злой дождик, а после закатал ночной мороз. Где дворники с окладом размером с официальную зарплату ведущего травматолога Легостаева? Где они, с лопатами и бодрым настроением духа? Где щедро выделяемый государством и столь же щедро вывозимый на дачи и коттеджи вышестоящих лиц песок для посыпки улиц? Подорожал песок, извольте реагент — от которого изжевываются шины и трескается покрытие асфальта. Где соль?.. Ах, вы изволите соль, так это не к нам, это к Минпищепрому, и плевать, что на дорогу соль сыпется отнюдь не пищевая. И вот ре-

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

зультат — снежная зима и прирост травмированных в двадцать семь процентов. Так это для государства прирост, для отчетов, а на деле — многодетная мать с переломом руки, бабушка семидесяти лет с вывихом берцовой кости и посиневшими от боли губами, мальчишка-скрипач с трещиной в кисти.

Привет, коммунальные службы!..

За это Легостаев зиму не любил. Он вправе был ненавидеть и все остальные времена года — за аварии, за переломы на «тарзанках», за порезы после ныряния рядом с ржавыми баржами, за много другое; но зима представлялась ему врагом. Черт его знает почему.

В приобретенных в модном магазине ботинках «Гриндерс» на шипах холодным зимним утром он бодро шел от своей пассии — Леночки Маликорской, очаровательного создания с розовыми губками, розовыми щечками и розовыми ногтями, крашенными лаком. Леночка всерьез хотела сменить свою фамилию, Легостаев всерьез хотел этому способствовать, но мешало одно: бывший муж Леночки, который восстал против потенциального жениха, как рабы против патрициев. Чего угодно, но этого Легостаев ожидать не мог и совершенно потерялся перед напором рогоносца. С присущей ей дипломатией Елена развела борцов по разным сторонам ринга и, заняв сторону Ле-

гостаева, подключила к проблеме бывшую свекровь; та, при совместной жизни Леночку ненавидя, тут приняла живейшее участие. На христианское Рождество Легостаев сделал Елене предложение, получил слезное согласие с горячим поцелуем и теперь направлялся на работу в прекрасном расположении духа.

Свернув на улицу Зеленую, он заскользил на корке льда и схватился за забор; начинается, мрачно подумал травматолог. Сегодня повалит табор пострадавших, и только успевай лечить беду от царапины до кости наружу, а все почему? Халатность плюс неуклюжесть, черт подери... вот, очередной! Рефлексы действовали быстрее разума — увидев лежащего возле заснеженной колонки мужчину, Легостаев, шаркая «Гриндерсами», подбежал к нему и наклонился.

И тут же отскочил назад.

Мужчина лежал неподвижно, скрючившись в три погибели, поджав колени; лицо его было сине-белым, и Легостаев понял, что перед ним покойник, причем покойник несвежий, вечерний — уж этому их в мединституте учили. Он опасливо подошел снова и, преодолевая брезгливость, снял перчатку и пощупал на шее вену — пульса не было, а шея закоченела. Легостаев посмотрел повнимательнее и вдруг увидел, что на груди трупа, просочившись сквозь рубашку, темнеет пятно засохшей крови.

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

Травматолог был человеком сугубо гражданским и переломы вправлял с ангельским терпением, но криминала на дух не переносил. Более того, его практически тошнило от вида трупов: вырывающиеся и скулящие пациенты были хотя бы теплыми, а вот мертвецы с их ледяной кожей навевали мысли о бренности всего сущего намного явственней, чем плакаты в морге с проекцией Osseus. Перед Легостаевым лежал мертвый человек — и, скорее всего, *убитый* человек.

— Мамоньки, господи, что делается-то, что делается, у моего дома-то! — завопил женский голос совсем близко, и тень метнулась в калитку с белой табличкой «2». Легостаев понял, что очевидцем был не он один, но особо не обрадовался: сейчас от женщины толку мало, а труп лежит часов так семь, вон роговицы высохли, да и губы, несмотря на мороз, нехорошие... Нужно было вызывать соответствующие службы, но его телефон, как назло, вследствие халатности хозяина был разряжен: Легостаев забыл зарядное устройство на работе, а у Леночки нужного шнура не оказалось. Он усмотрел маячащую за забором хранившую молчание плотную фигуру в ватнике и крикнул:

— Простите, вы можете позвонить в милицию?

Фигура встрепенулась, пошевелилась и шагнула навстречу.

— А чтой-то?

— Да вот... — Легостаев решил не поднимать панику, — обокрали меня!

— Ах ты ж, бедненький, — посочувствовала фигура из-за забора, но на улицу не вышла. — Так ноль-два набирай!

— Так телефон сел!

— Ах ты ж... ну давай я позвоню, — смилостивилась фигура и отправилась в дом.

Группа немедленного реагирования оправдала свое название: спустя семь минут, Легостаев засекал, на месте оказался узик с заспанным водителем и двумя сотрудниками патрульно-постовой службы. Старший, лейтенант лет двадцати трех, первым вылез из автомобиля и направился к Легостаеву.

— Ну что тут у вас... епт твою в рот, — высказался он и дернул рукой второму гээнэрщику. — Это что у вас?!

— Труп, — сообщил Легостаев и добавил: — Мне кажется, его убили. Я, знаете ли, врач.

Эта фраза, которую он, благодаря маме, всегда произносил с гордостью, показалась неуместной на фоне мертвого тела и сугробов; вдобавок ко всему, валил мокрый снег, залепляя глаза и приминая прическу.

— А... это его ограбили? — спросил лейтенант, отступая к машине за рацией.

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

— Никого не грабили, — сообщил Легостаев с сокрушенной физиономией, — я просто не хотел соседей пугать. Это по моей просьбе вас вызвали — мобильный сел.

— Что ж вы так шутите, — сурово произнес второй гээнэрщик, вылезая из патрульного автомобиля. — Совсем другая группа бы выехала, сразу с операми... Видать, давно лежит? — спросил он, кивая в сторону трупa.

— Минимум с двенадцати ночи.

— Висяк...

— Двадцатый Радуге... Двадцатый Радуге... — повторял лейтенант в рацию. — У нас убой на Зеленой, два... повторяю, убой на Зеленой, два... на месте Мацкевич и Трошенко, как поняли?

— Понял, Двадцатый, идет группа, как поняли.

— Понял, отбой...

Через двадцать минут на месте происшествия закрутилась круговерть.

На Зеленую, 2, прибыли четыре машины — две патрульки, один «ровер» и один «жигуленок», судя по виду, штабной. Выползли соседи — строить версии, стали останавливаться прохожие — выстраивать догадки; сотрудники, кому положено, мрачно осматривали труп и доставали из сумок планшеты. На «ладе-калине» прибыл грустный мужчина с чемода-

ном, как понял Легостаев — медицинский эксперт. Он еще немного потолкался среди толпы, чтобы быть ближе к трупу, — интересно узнать, от чего он умер. Еще полметра, и из-за спин будет видно... еще...

— Гражданин! — сурово окрикнули его сзади, и травматолог тотчас же обернулся. Рядом с ним стоял дюжий прапорщик по полной форме, поправляющий кепку. — Гражданин, вы кто?

— Я?.. — Легостаев растерялся. Он первый раз столкнулся с ситуацией, когда очень трудно объяснить, кто он. — Я тут... проходил, вас вызывал, через соседей... Я травматолог, остался на месте, мало ли.

— Мало ли — что?

— Мало ли, придется кого-то... — Легостаев запнулся, а потом зачем-то ляпнул: — Спасать и помогать.

— Спасли и помогли? — сердито поинтересовался кто-то рядом, и травматолог, быстро обернувшись, увидел высокого парня в черной куртке-дутике, который прижимал к уху телефон. — Тридцать человек собрали, а все равно оцеплению — грош цена... алло! — сказал он в трубку. — Собаку тоже возьмите, тут и так затоптали половину, может, хоть она что скажет. Вы пройдите за ограждение, здесь сейчас работают, — сказал он уже Легостаеву. — Не мешайте, гражданин.

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

— Я хотел помочь.

— Кому? — парень посмотрел на него немигающим взглядом. — Кто лежит, уже не сможешь, а если хотите помочь нам — идите вон к той машине с мигалкой, вас сейчас опросят. Паспорт, кстати, с собой?

— С собой...

— Дайте сюда.

Легостаев кивнул, полез в карман куртки и выудил оттуда паспорт в красивой кожаной обложке, протянул парню. Тот взял его двумя пальцами и быстро пролистал.

— А вы живете на Ленина, двадцать? — вдруг спросил он и посмотрел травматологу в лицо. — Никогда вас не видел.

— Нет, у меня там регистрация, а проживаю я по Крупской, 241... такое вот интересное совпадение, Ленина и Крупской, — зачем-то попытался пошутить Легостаев, хотя место для шуток было совсем неподходящее. — А что?

— Ничего, — ответил парень, возвращая паспорт. — Идите к автомобилю.

Легостаев послушно пошел к патрульной машине и подвергся опросу: где проживает, кем работает, что делал в этом районе ранним утром, как зовут девушку, к которой направлялся, и прочая, прочая, прочая.

Травматолог честно отвечал, что девушку зовут Елена, что в браке они официально не состоят, что вчера они праздновали Рождество, и поэтому утром он вышел пораньше, чтобы успеть на работу, а машину не брал, ибо, как истинно верующий, приложился вчера к клюквенной настойке и не хотел показывать промилле гаишникам. Краем глаза он поглядывал, что делается на месте происшествия, — все было для него вновь и интересно. Парень в дутике ругался с кем-то по телефону, одновременно рукой удерживая за локоть человека с капитанскими погонами на форме; труп уже сфотографировали, и пожилой человек с серебристым чемоданом, натянув на руки одноразовые перчатки, трогал веки, пытался перевернуть мертвеца на бок. Двое сержантов ему помогали. Поодаль бабулька в растянутом свитере тыкала пальцем в сторону трамвайных путей и что-то рассказывала толстому сержанту.

— Распишитесь здесь, здесь и здесь! — рявкнул участковый из патрульной машины и сунул Легоставу ручку. Притопывая на месте, травматолог тщательно перечитал объяснение, машинально отмечая ошибки в пунктуации, потом поставил замерзшей рукой три подписи под галочками и протянул лист обратно. Поворачиваясь, он поскользнулся на обледенелой плитке, нога поехала, и рукой он зацепился за борт «уазика», поцарапав указательный палец.

ХОЛОДНОЕ ПОСЛАНИЕ

«Все-таки поганая вещь — зима», — думал он, трусцой спеша к остановке маршруток и на ходу натягивая перчатки.

«Ненавижу зиму», — мрачно думал Калинин, трясясь в дежурном автомобиле: свой пришлось оставить возле дома по причине лысой резины. В позапрошлую зиму она его не пугала, в прошлую — немного нервировала, но этот декабрь выдался такой скользкий, что двигаться на «семерке» без замены шин было бы самоубийством. А опер без машины — что за опер? У тебя контора на улице имени великого Гастелло, а здание отдела следственного комитета — на Демидова, что в середине города; успевай перед светлыми очами руководства предстать, пару бумаг черкануть, потом рысью мчись в комитет, чтобы там все доложить, — и хорошо, если начальник розыска или зам тоже едет, можно на хвост упасть, а так — добираться сам. В комитете следователю все по убийству доложи, ценные указания выслушай, хотя поступать в восьмидесяти процентах случаев будешь наоборот, и валяй на место происшествия — слушать, как умы бродят. Есть помощник — можно и его послать, а вдруг упустит частичку информации? Да и беседовать с некоторыми нужно с глазу на глаз. А на Гастелло доставляют вдруг жулика, которого ты уже месяц

по городу вылавливаешь, с ним тоже надо поговорить; а тут же скромная проститутка с улицы Московской, что в другой стороне от отдела, сообщает, что знает подозреваемых по районному квартирному висяку, только вот «ну совсем, ну со-о-овсем» не может приехать по причине отсутствия денег на общественный транспорт. И мечешься, словно ужаленная собака, часов до десяти вечера, а понятия «дом», «отдых» и «любимая девушка» никто не отменял. Просто с такой работой они отпадают потихоньку — сначала отдых, потом девушка, а потом и ночевать в кабинете начинаешь...

«Семерка» спасала Калинина хотя бы от унизительных просьб: «А не поедет ли кто в ту сторону?» Дело было даже не в плате за проезд, хоть на зарплату опера в шесть мест туда-обратно тоже каждый день не наездишься, а шутка ли: ты выложи-отдай в день сто — сто двадцать рублей, а умножь на тридцать дней, ну пусть на двадцать пять: две с половиной только на общественный транспорт. А сигареты, а непредвиденные поездки, а пожрать перехватить? А время с восьми утра тик-так, тик-так, и каждая секунда дорога, бывает, и частника приходится ловить, хоть они и душевные попадают, за полцены отвозят. Вот в этом и кроется основная проблема: нет машины — нет времени. То троллейбус станет